

разливаясь во впадинах черными озерами. Вот они, обещания!

Соскочив с коня, Иван Степанович взбежал на плотину и застыл в растерянности.

Плотина, длинная и узкая, высотой не больше полутора метров, была укреплена редкими столбами и стенкой тонких жердин. Такие пруды-временянки держались обычно одно лето.

Теперь пеняй на себя — не настоял весной, оплошал.

Он сбросил с себя плащ, кинул на берег и кепку. Побежал от столба к столбу, пробуя их крепость.

Скинул пиджак. Взялся за верхушку одного из столбов, приналег плечом и принялся расшатывать. Столб был мокрый, скользкий.

Добров прыгнул за плотину. По низу столбы не ошкурсны, взяться сподручнее. Напрягшись до темноты в глазах, Добров тянул столб на себя. Наконец стояк тихо-тихо пошел вверх, со смачным чмоканием освобождаясь от плена земли.

Выдергивая одну жердину за другой, Иван Степанович даже не подумал, что плотина может запросто рухнуть и освобожденная вода накроет его с головой, оглушит и унесет.

Вот и второй пролет он избавил от жердей, не тратя времени и силы на столбы. Едва успел выдернуть нижнюю, последнюю жердину, как часть плотины обрушилась. Грязью залепило глаза... Вслепую ухватился за столб, всем телом чувствуя напор воды и глины.

Разлепив глаза, Добров увидел: зеркало пруда медленно оседает. Обрушился и второй пролет плотины. Теперь Иван Степанович оказался в самой середине ревущего потока.

— Ну кто кого? — крикнул он. — Ну?!

Потоки черной воды уже не бежали по полю, и пшеница колыбалась под ветром, как бы радуясь избавлению от беды.

Конь тревожно смотрел в сторону хозяина, казалось, понимая, что произошло.

Когда поток обессилел, Иван Степанович оторвался от столба и двинулся к берегу.

На краю поля он рухнул на колени, затем устало присел.

Солнце выглядывало из поредевших облаков.

*Перевод
Л. АЛЕКСАНДРОВА*

Федор УЯР

ОДНО СЛОВО

РАССКАЗ

Народу в чайной было много. Официантка Марья спозала между столиками, играючи разнося тарелки. Не красавица, не очень молодая, высокая, краснолицая и крепкая, таких любят в деревне. За окном кто-то колот дрова, да так ловко и споро, будто орехи щелкал.

Вечер был знойный. Я вышел на крыльцо и увидел, что дрова колот

Мамлеев Сильвестр Еремеевич, мой сосед по комнате в доме приезжих. Скинув рубаху, в одних брюках, машет и машет топором, куча поленьев уже выше самого. Невысок, худ, темные глаза на обветренном, загоревшем лице смотрели несмело, даже робко.

Кончив колоть, он, словно спохватившись, вынул из кармана зер-

кальце, глянул в него и, видно, остался собой доволен.

Минувшей ночью он тягостно вздыхал, лежа на кровати. Лежал недвижно, скрестив на груди руки и задрал подбородок к потолку, как покойник. Чем-то мучился. А сейчас, вон наколот дров и вроде бы спокоен. Что за дела у него здесь?..

Когда я вернулся в дом приезжих, Сильвестр Еремеевич курил в коридоре, неумело выдувая дым сквозь вытянутые губы.

— Вот и поговорил,— обронил он, и нельзя было понять, кому предназначались эти слова.

— С кем?

— С нею.— Сильвестр Еремеевич вытолкнул из ноздрей клуб дыма.— с Марьей, официанткой в чайной... Только не дошел до главного.

— Почему?

— А бог его знает...

— Ну, так не годится,— понесло меня.

— Опять пойду.

— «Пойду, пойду». Ты дело сделай!

— Ладно,— сказал Мамлесв решительно и зашагал к выходу.

Что у него за «дело», я понял. Ведь утром заведующая домом приезжих, немногословная, полноватая женщина, напевая без слов полузабытую песенку, самолично заправила кровать моего соседа как можно красивее и водрузила на стол букет полевых цветов в стеклянной банке. Заведующая была подругой Марьи.

Лишь около полуночи в коридоре раздались шаги Мамлеева. Дверь тихонько отворилась, и на пороге возник Сильвестр Еремеевич. Молча прошел к своей кровати, стал раздеваться.

— Выйдем,— позвал я его.

Во дворе спросил:

— Ну что, не согласна?

— Не знаю...

— Как не знаешь? Ты что, опять не поговорил? Иль не видел?

— Видеть видел. С шофером она ушла.

— Шляпа! Уведут у тебя на глазах, и останешься ни с чем. Идем!

— Куда? — Мамлесв отпрянул к стене.

— Для тебя же хочу добро сделать.

Он нехотя тронулся по двору к улице, в темень.

Шли довольно долго, пересекли по мосткам овражек. Мамлеев остановился.

— Тут...

Указал на дом. Освещенные окошки были задернуты занавесками.

— Где она спит?

— Зачем тебе? — растерялся Сильвестр Еремеевич. — В избе, где же еще?

— Зайдем в гости.

— Среди ночи — в гости?! — Он отступил и, наткнувшись в темноте на полено, упал.

Пока Мамлеев поднимался, я направился к воротам. В окне, как на экране, возникла женская фигура. Изогнувшись, женщина сняла через голову платье, надела другое, снова сняла. Сильвестр Еремеевич потянул меня прочь от окна.

— Пожалуйста... — бормотал он, — пожалуйста... Давай завтра, не могу, ей-богу, не могу...

Я плюнул, повернулся и ушел.

Мамлеев стал меня сторониться. То ли стыдился своей робости, то ли сердился. Утром уходил как на работу, возвращался под вечер. Платы за проживание с него не брали — помогал дежурным. Ведь он тут ненадолго. А времени пролетело уже с неделю.

Мне пришла пора уезжать, и я не выдержал. Подождя, когда Марья останется одна, я подошел к ней. Она удивленно глянула на меня, что-то мелькнуло в ее глазах.

— Не понравилось у нас? — Марья спрягала крупные пальцы под фартук, поджала тонкие губы, посмотрела настороженно.

— Нет-нет...

Из моих путаных слов Марья не сразу уяснила суть, усмехнулась.

— После работы в деревню еду.

— К своим?

— Вроде бы. Сиротой росла, а все братья перерженились. Племянниц да племянничков надо потетешить.

— Не едите сегодня. — Я помолчал. — Вас один человек... Любит.

Щеки ее полыхнули.

— Сильвестр, что ли?..

— Да.

— А почему он молчит? — выкрик-

нула Марья и бросилась на кухню.

Когда вечером Мамлеев вошел в комнату, я сказал ему:

— Твоя Марья замуж выходит.

И сам испугался своих слов. Он обмяк.

— Выходит?.. За кого?

— За шофера какого-то, — несло меня.

Мамлеев вдруг одернул на себе пиджак и пригладил волосы.

— Пойду.

— Куда?

— К Марье.

— Да зря.

— Отчего ж. Поговорю.

— Чего ж теперь говорить.

— А вот нынче и поговорю.

— Ну, ступай. Одно слово ей надо сказать...

Мамлеев повернулся от двери.

— Какое слово?

— Обыкновенное...

— Зачем играть таким делом, — вымолвил он. — Мой дед с бабкой до девятиности дожили...

Я пожал плечами.

Сильвестр Еремеевич вышел на улицу. Я проследил за ним, пока он не скрылся в воротах Марьиного дома.

Ждал: вот-вот появится и пойдет обратно.

Нет, не вышел.

Проснулся я от скрипа половиц. За окном едва брезжило. Еще рано, можно поспать...

Кто-то сел на мою кровать, в ноги.

— Мамлеев?

— Домой еду.

Встал и начал укладываться.

Дверь в коридор была приоткрыта, я увидел Марью.

— Поздравляю, — сказал соседу из-под одеяла.

— Ага! — выпалил он.

— Скоро? — раздался голос Марьи.

Хлопнула дверь. Шаги двоих в коридоре удалялись.

Все смолкло.

И не попрощался. Ладно, был бы счастлив.

Перевод
Зои РОМАНОВОЙ